Наука и проклятия

Автор:
Анна Орлова

Наука и проклятия

Анна Орлова

Позвольте представить вам Грету Саттон, успешно защитившую кандидатскую по теме «Вопросы наследственности, передачи и искажения (мутации) магических даров в поколениях». В теории мисс Саттон разбирается превосходно, а вот с практикой дела обстоят похуже. Замуж Грета вообще не собирается… Но кто бы ее спрашивал! Однажды ее попросту украли и силком обвенчали с бароном Мэлоуэном, пытаясь таким образом побороть лежащее на нем проклятие. И что теперь? Покорно жить с мужем, рожать детишек и почитать свекровь? Вот еще! Грета Саттон вовсе не такова, чтобы сложить руки и смириться с обстоятельствами. Мужа приручить? Дракона… простите, свекровь одолеть? Проклятие распутать? Нет ничего невозможного, когда за дело берется старший научный сотрудник Грета Саттон!

Анна Орлова

Наука и проклятия

Посвящается моим замечательным бетам

Рите Вирд, Ире Юрасовой и Юле Фридман

Часть первая

Введение

– Мисс Саттон? – Дверь протяжно скрипнула, и Милдред Уоткинс просунула в щель кудрявую головку. – Вам письма.

– Спасибо, мисс Уоткинс. – Я нетерпеливо привстала, завидев конверт со штемпелем Уортфинского королевского университета. Наконец-то!

Секретарша, нескладная дева неопределенных лет, аккуратно положила передо мной три конверта и поправила очки в толстой роговой оправе.

– К вам еще посетитель, мисс Саттон. Вот его карточка.

Бросив взгляд на белоснежную визитку, где золочеными буквами было выведено «Джозеф Харпер, барристер», я приподняла брови. С какой стати со мной ищет встречи какой-то незнакомый адвокат?!

– По-видимому, это к мистеру Лукасу, – отмахнулась я, потянувшись к канцелярскому ножу. – Тот сумасшедший снова вздумал судиться, все выискивает плагиат.

– Нет, мисс Саттон. – Милдред сцепила руки перед собой и непреклонно покачала головой. – Он сказал, что хочет видеть лично вас!

– Тогда пригласи его, пожалуйста, – рассеянно попросила я и прикусила губу, обнаружив в вожделенном конверте густо исчерканные красным листки.

Исправлений там было куда больше, чем, собственно, текста, а большинство пометок оказались откровенно хамскими: «Идиотизм!», «Только женщина могла до такого додуматься!» и коронное редакторское «Неприемлемо!»

По-видимому, мистер Эверетт, почтенный редактор «Научного вестника Уортфинского королевского университета», был сильно не в духе, когда на глаза ему попалась моя злосчастная статья. Впрочем, по мнению мистера Эверетта, женщины смыслили в науке куда меньше собак, а в вопросе наследственности могли иметь лишь сугубо практические знания.

Мне же для докторской нужны минимум две дюжины научных статей, и «Научный вестник Уортфинского королевского университета» для их публикации подходил идеально. Можно попробовать «Манчестерский научный журнал» и «Вестник биологии и химии Шеффилдского национального университета», именно к ним я обращалась при защите кандидатской. Но двадцать четыре статьи в журналах, выходящих раз в квартал… Ждать придется долго, а внести все требуемые мистером Эвереттом правки означало бы выхолостить идею, оставив лишь пустые рассуждения о новизне темы и несомненной ее сложности. Еще бы!

Деликатное покашливание оторвало меня от нелегких раздумий. Впрочем, тут и думать не о чем. Даже если я соглашусь со всеми исправлениями, в следующий раз редактор снова найдет, к чему придраться. И будь ты хоть семи пядей во лбу, все равно останешься хуже самого ленивого аспиранта-мужчины!

Я смахнула в ящик стола позорное письмо и лишь затем взглянула на почтенного адвоката.

– Добрый день, мисс Саттон, – вежливо улыбнулся он, слегка поклонившись.

У него были седые волосы, тщательно уложенные ароматным воском, такие же седые бакенбарды и располагающий глубокий голос. Серый костюм в едва заметную синюю полоску, белоснежная сорочка, запонки и булавка для галстука из белого золота с сапфирами, портфель из телячьей кожи – все атрибуты преуспевающего юриста.

Руки я ему не подала, ограничилась сухим кивком. Ничего хорошего этот визит не сулил.

– Здравствуйте, мистер… – я опустила взгляд на визитку, – Харпер. Не знаю, чем могу быть вам полезна.

Вежливую попытку его спровадить он выслушал со столь же вежливой улыбкой, затем оглянулся на приоткрытую дверь.

– Вы позволите? Боюсь, разговор весьма деликатен.

При всех своих многочисленных достоинствах Милдред обладала одним весьма существенным недостатком – неистребимым любопытством. Впрочем, в НИИ Родовой магии это пороком не считалось, тут сплетничали все.

– Конечно, – неохотно согласилась я. – Присаживайтесь, мистер Харпер.

В конце концов, неприятности следует встречать с открытым забралом, даже если ты – женщина. Особенно если женщина.

Адвокат тщательно прикрыл дверь (мне послышался разочарованный стон секретарши) и уселся, поставив на колени портфель.

– Мисс Саттон, не буду ходить вокруг да около. – Он щелкнул замочком и вытащил картонную папку. Извлек из нее два листа дорогой мелованной бумаги и, привстав, положил передо мной. – Я уполномочен предложить вам соглашение. Ознакомьтесь, будьте любезны.

Хмыкнув, я принялась читать, и по мере чтения брови у меня ползли все выше и выше.

– Что это? – Я брезгливо, одним пальцем отодвинула сей канцелярский шедевр и воззрилась на адвоката.

– Вам что-то непонятно? Я могу растолковать спорные места, – предложил он с готовностью, чуть подавшись вперед.

– Непонятно, – согласилась я, устало потирая лоб. – Простите, но сам этот договор – нелепость!

– Почему же? – Адвокат, кажется, обиделся. – Уверяю, формулировки подобраны максимально точно и полностью отражают волеизъявление моего клиента.

– То есть, – я нашла в тексте нужное место и подчеркнула его ногтем, – Фицуильям Скотт, барон Мэлоуэн, всерьез предлагает мне, мисс Маргарите Саттон, законный брак?

Как всегда, при звуке своего полного имени я поморщилась. Ох уж эта мама со своим пристрастием к звучным именам! Надо же было назвать дочерей Маргаритой, Ириниэль и Джульеттой! Мы всегда предпочитали сокращенный вариант.

– О, разумеется! – Адвокат чуть заметно улыбнулся. – Обратите внимание, если по истечении трехлетнего периода вы пожелаете означенный брак расторгнуть, барон обязуется этому всецело содействовать, даже готов выплатить солидную компенсацию.

И воздел указательный палец.

Я молча разглядывала визитера, подспудно ожидая, что сейчас в кабинет ворвутся сестры с криком: «Шутка!» Хотя до сих пор Ирэн ограничивалась максимум стаканом холодной воды на подушку утром, а Джули и вовсе к розыгрышам не склонна. Коллеги же вряд ли до такого додумаются.

– Зачем? – спросила я, устав от этого нелепого разговора. – Объясните, зачем титулованному аристократу жениться на простой горожанке, которую он в глаза не видел? Даже в наше просвещенное время баронство кое-что значит!

– Вот именно! – просиял мистер Харпер, как будто я была свидетелем, чьи показания позволили ему добиться оправдания клиента. – Баронство кое-что значит!

Я встряхнула волосами. Ах, как ругалась мама, когда я еще девчонкой обрезала свои рыжие косы! Теперь они отросли ниже плеч, но все еще были далеки от прежней длины по пояс.

– Вы так и не ответили, зачем барону этот нелепый брак.

– Разумеется, с той же целью, с которой заключаются все прочие браки, – ответствовал юрист, пригладив седые бакенбарды. – То есть для рождения потомства.

Ощутив желание с размаху опустить на седую макушку адвоката его собственный портфель, я глубоко вздохнула.

– Почему же многоуважаемый барон не хочет, чтобы наследника ему родила девушка его круга?

По-видимому, вопрос угодил в яблочко. Адвокат сконфуженно кашлянул и отвел взгляд.

– Я уже говорил, вопрос весьма деликатный. Надеюсь, мои слова останутся между нами?

– Конечно, – кивнула я настороженно. Не нравились мне такие многозначительные вступления.

– Видите ли, мисс Саттон, у барона имеются некоторые затруднения…

– Какого рода? – бесцеремонно перебила его я, устав от юридических экивоков.

Адвокат наконец посмотрел мне прямо в глаза. И проронил одно слово:

– Проклятие.

Я пожала плечами и одернула жакет.

– Сочувствую барону, однако при чем тут я?

– Буду откровенен. – Голос адвоката сделался тих и вкрадчив. Таким только доверчивых кроликов приманивать. – В своей кандидатской диссертации вы рассматривали вопросы наследственности, передачи и искажения (мутации) магических даров в поколениях. И, по мнению весьма компетентных лиц, которых мне не хотелось бы называть, объект исследований М. – вы сами.

В горле разом пересохло.

– Чушь! – выдавила я, вздернув голову. – Разумеется, я не разглашала имени объекта исследования, однако…

Глаза юриста блеснули, и я поняла, что сделала непростительную ошибку. Не стоило уходить в глухую оборону, это было косвенным подтверждением его правоты.

– Мисс Саттон, – теперь уже перебил он, примирительно подняв раскрытые ладони, – не будем спорить. Я уполномочен лишь сделать вам предложение и получить ответ.

– Что же. – Я глубоко вздохнула и поднялась. – Тогда мой ответ «нет».

– Очень жаль, – сдержанно произнес юрист и, забрав бумаги, откланялся.

Закрыв за ним дверь, я упала в кресло.

– Чаю? – предложила Милдред, просунув голову в кабинет.

Вообще-то она была не моей личной секретаршей – до такой роскоши я дорасту не скоро, – а числилась за нашим отделом. Но в июле – августе большинство сотрудников разбежались в отпуска, так что мы с Милдред остались куковать вдвоем.

– Да, пожалуйста, – откликнулась я рассеянно, вертя в пальцах карандаш.

Из головы не шел странный визит, о реальности которого свидетельствовала карточка, вызывающе белеющая на темном лаке стола. Зря я была столь безрассудна… Впрочем, какой толк жалеть? Вопрос закрыт. И я, уже почти не прилагая усилий, улыбнулась Милдред, бочком протискивающейся в кабинет с подносом.

Знала бы я, как ошибалась!..

Был теплый летний вечер. Столицу наполнил тихий шум голосов, музыки и смеха. Возле кафе и кондитерских выставили на улицу столики, так и манившие присесть, но веселиться не тянуло, день выдался тяжелый. Я так и не решила, что ответить на оскорбительное письмо редактора, и больше не собиралась об этом думать. Только не сегодня! Хотелось тихого уютного вечера в саду в тени

старой яблони – небольшой передышки, после которой можно с новыми силами ринуться в бой.

Я неторопливо шла домой, размахивая сумочкой и прижимая к груди пакет с эклерами. Пахло от него умопомрачительно, и я уже предвкушала неторопливое чаепитие. Вечер пятницы – маленький еженедельный праздник, островок покоя перед выходными. Дома, скорее всего, одна Риш, которая, по обыкновению, возится в саду или в мастерской. Мама наверняка еще торчит в своей студии, ей дни недели не писаны, а Джули, как всегда, умчалась инспектировать очередной ресторанчик. Ничего, зато Риш надергает своих травок и заварит умопомрачительно вкусный чай – сладкий, ароматный, с чабрецом и мятой.

Я сглотнула набежавшую слюну и ускорила шаг. Мимо, звеня, прогрохотал трамвай. Тихие улочки, тенистые сады, детский смех, скрип качелей.

Оставалось пройти всего несколько кварталов, когда в нескольких шагах от меня притормозил черный автомобиль. Из него выбрался высокий мужчина в темном костюме и окликнул:

– Мисс, вы не подскажете?..

– Конечно. – Я нехотя остановилась и, поколебавшись, улыбнулась.

В нашем районе сложная нумерация домов, так что чужаки тут частенько блуждают.

Высокий темноволосый незнакомец со шрамом на щеке растянул губы в ответной улыбке и шагнул ко мне. Отчего-то мне стало не по себе, захотелось развернуться и бежать куда глаза глядят. Глупости! Я мотнула головой и лишь покрепче прижала к себе пакет с эклерами.

– Мисс, – так же негромко сказал брюнет, глядя мне в лицо. – Вы – Маргарита Саттон?

– Да, – отозвалась я машинально.

Его серые глаза сверкнули, и я, запаниковав (зачем ему мое имя?!), дернулась… Не успела. Рука незнакомца змеей метнулась вперед, и на моем правом запястье с тихим щелчком замкнулся браслет. Пакет с выпечкой полетел вниз, по мостовой рассыпались облитые шоколадом эклеры.

Удар сердца – и такой же браслет защелкнулся на левом запястье. Я скосила глаза на свои безвольно повисшие руки, обхваченные тонкими серебряными ободками с черно-алой вязью непонятных знаков. Ободки эти не были соединены друг с другом, как классические наручники, а выглядели как обычное украшение, – будто по изящному браслету на каждую руку надели. Магические? Но ведь я не опасная преступница, а этот тип совсем не похож на полицейского! Не говоря уж о том, что мне не предъявили ни удостоверение, ни ордер.

Да что он себе позволяет?! Я попыталась закричать, привлечь внимание мирно ужинавших соседей, из чьего приоткрытого окна доносились аппетитные запахи жареного мяса и карри. Но из моих приоткрытых губ не вырвалось ни звука. Тело не подчинялось, я даже языком шевельнуть не могла!

Брюнет вздохнул и, взяв меня за локоть, сказал устало:

– Пойдемте, мисс Саттон.

Меня что, похищают посреди города, практически у всех на глазах?!

Он усадил меня – безвольную, неспособную не то что сопротивляться, а хотя бы мычать, – на пассажирское сиденье, устроился рядом и скомандовал:

– Поехали, Майкл!

И мы поехали. Водитель рулил, не задавая вопросов, только посматривал на нас в зеркало.

Я сидела истуканом, безвольно мотаясь туда-сюда на поворотах. Автомобиль был дорогим, с плавным и почти бесшумным ходом, поэтому в нормальных обстоятельствах я бы наслаждалась видом из окна. Теперь же я лишь беззвучно ругалась и паниковала.

Брюнет осторожно придерживал меня за плечи, не давая полететь носом вперед, и не выказывал ни малейших признаков сомнений или нервозности. Он что, каждый день девиц похищает?!

Автомобиль вырулил на шоссе. С каждым километром все меньше верилось, что пунктом назначения окажется какой-нибудь ресторанчик, полный восхищенных зрителей. Для сна происходящее было слишком реальным: твердое плечо незнакомца под моей щекой, от которого пахло горьковато-пряно; затекшие до полной бесчувственности руки; асфальт ложился под колеса с тихим шуршанием; из приоткрытого окна пахло пылью и нагретой дорогой.

Это длилось и длилось, точно в кошмаре, из которого все никак не удается вынырнуть в реальность. Я глубоко вздохнула. Немедленно успокоиться и наконец включить мозги!

Какой стыд, старший научный сотрудник мисс Грета Саттон! Что бы сказал ваш научный руководитель, узнав, что в критической ситуации вы утратили ясность мыслей?

– Потерпите, – сказал мой похититель чуть хрипловато, по-видимому приняв мой вздох за страдальческий всхлип. – Осталось немного.

И крепче прижал меня к каменному плечу.

Будем рассуждать логически: кому и с какой стати понадобилось меня похищать? Романтичной я сроду не была, так что любовный мотив отбросила сразу. Выкуп за меня тоже требовать глупо, семья не бедствует, однако сколько-нибудь солидным капиталом не разжилась.

Остается два варианта. Либо кто-то из моих научных оппонентов окончательно свихнулся, либо кое-кто потерял терпение. И даже в последнем варианте есть выбор: дорогой папенька или барон… как там его?

В стрессовой ситуации память сработала без осечек. Фицуильям Скотт, барон Мэлоуэн. Кажется, его поместье недалеко от столицы. И точно. Автомобиль вскоре свернул с шоссе и покатил по узкой дороге через поля и луга, которые

затем сменились лесом. Когда после очередного поворота глазам открылась серая громада замка, я лишь тяжко вздохнула.

Автомобиль, прогрохотав по мосту, въехал в каменный двор. Приехали!

– Приехали, – вторил моим мыслям наглый похититель.

Как только водитель затормозил, брюнет распахнул дверцу и бережно подхватил меня на руки. Разумно, вряд ли я в состоянии идти на своих двоих.

Мой… вероятно, самозваный жених удерживал «невесту» на весу без труда, что внушало невольное уважение.

– Как вы себя чувствуете, мисс Саттон? – спросил он напряженно, поправив лезущую мне в рот рыжую прядь.

Я засопела, пытаясь хоть так высказать свое возмущение. Он что же, ждет подробного ответа? Слабоумный? Подумать только, уволок меня, как дракон в пещеру, а теперь пытается поддерживать светскую беседу! И ведь не боится, что я заявлю на него в полицию. Лицо не прячет, даже глаз не отводит, давая рассмотреть его во всей красе.

Хорош. Мрачноват, правда, и шрам на щеке его не красит, но в остальном недурен: серые глаза, обрамленные длинными темными ресницами; короткие темно-каштановые волосы открывают высокий лоб и аккуратные уши; лицо с чеканными чертами, только вот нос сломан, и не единожды.

– Давайте так, – заметив мой взгляд, он сжал узкие губы и прищурил глаза. – «Да» – моргните один раз. «Нет» – дважды. Договорились?

Ладно уж, мне нетрудно. Я согласно смежила веки. Нужно как-то находить пути коммуникации, как любит говаривать мистер Причард, наш замдиректора, когда главный бухгалтер снова ругается из-за превышения норм затрат экспериментальных материалов.

При мысли о родном НИИ сердце защемило.

– С вами все в порядке? – тут же спросил брюнет.

Поколебавшись, я все же просигналила: «Да!»

Со мной все превосходно! Разве может быть иначе, когда тебя похитили и уволокли невесть куда?

– Прекрасно, – начал было он, но наше едва наладившееся общение прервали.

– Это она? – сухо поинтересовался женский голос.

– Да, – кажется, нехотя ответил он, оборачиваясь.

– Не первой свежести, – заметила дама неодобрительно.

Мне, конечно, не семнадцать, но и до преклонных лет далековато: через два месяца исполнится двадцать пять. Кто она такая? Неужели соперница?

Леди, верните мне подвижность, и я охотно уступлю вам честь называться женой этого сумасшедшего! Даже не стану писать заявление в полицию, дезоксирибонуклеиновой кислотой клянусь!

Увы, губы по-прежнему не слушались, так что вместо прочувствованной тирады с них сорвался лишь тяжкий вздох.

Мой похититель промолчал. Ладно, сделаем зарубку на память.

– Все готово, – продолжила женщина и принялась командовать. – Мэри, Бетти, поможете невесте. Через час она должна быть в часовне.

– Да, миледи, – пропищали два голоса, а потом меня куда-то понесли…

Барон сдал меня с рук на руки служанкам, которых, кажется, нисколько не смущала ни моя подозрительная вялость, ни даже браслеты на руках. Вдвоем они споро стащили рабочее платье, обтерли меня розовой водой и расчесали

волосы, громко восхищаясь их ярким рыжим цветом.

– Вы такая красивая, миледи, – прошептала румяная хохотушка Бетти, разворачивая мое безвольное тело к старинному ростовому зеркалу.

Из него на меня смотрела… не я. Сроду не носила шифоновых платьев, так мягко и завлекательно обрисовывающих фигуру.

Нежнейшая ткань оттенка топленого молока скрывала меня от шеи до запястий, надежно пряча проклятые браслеты, снизу юбка скромно закрывала колени. На распущенные, слегка вьющиеся рыжие волосы водрузили веночек из флердоранжа. На талии застегнули чеканный поясок, подчеркивающий ее тонкость и крутизну бедер, на высокой груди прикололи брошь-камею.

Худосочностью я, прямо скажем, никогда не отличалась, что, между прочим, доставляло массу неудобств. Например, на работу приходилось надевать строгие, почти монашеские платья, иначе сотрудники-мужчины норовили оценить вовсе не мой ум, а иные достоинства.

– Повезло лорду. – Мэри прикусила губу, окинув меня ревнивым взором.

Похоже, горничная вздыхает по хозяину – история стара как мир.

В дверь постучали.

– Пора, – шепнул кто-то, приоткрыв ее на волосок.

Бетти охнула, Мэри опустила глаза, и меня в четыре руки повели-потащили к выходу.

Как меня поднимали по лестнице в башню, это отдельный грустный рассказ. Даже крепкие девицы умаялись, волоча меня по ступенькам. Задевая ногами выщербленные ступеньки, я отчаянно пыталась найти выход. Понять, что нужно от меня барону, не сложнее, чем записать гаметы для генотипов АА и Аа. Ему зачем-то припекло жениться и настрогать наследников. Да бога ради! Пусть женится и размножается, сколько пожелает, я-то почему должна страдать?!

Горничные почти внесли меня в часовню. И я, стыдно признаться, запаниковала. Чтобы в наше просвещенное время и похищали невест?! На глазах закипали злые слезы, от беспомощности хотелось кричать.

Горели свечи, десятки толстых свечей в массивных канделябрах. Пламя колебалось от сквозняка, придавая происходящему нереальный вид. У алтаря мялся и потел толстый священник, явно не изнурявший себя постами. Слева ждал жених, даже не соизволивший по такому поводу переодеться. Справа замерла высокая сухопарая женщина в темно-синем платье с глухим воротом. Ее возраст выдавали лишь немногочисленные морщинки, а седина в светлых волосах была почти незаметна. На поясе дамы висела связка массивных ключей, на худосочной груди лежало массивное ожерелье – скорее даже мужская цепь, какие носили дворяне века три назад. Дама воткнула в меня тяжелый взгляд и стиснула в костлявых руках кружевной платочек.

– Подойди, дитя, – позвала она, тщетно стараясь говорить ласково.

Меня за локотки подтащили ближе к ней.

От душного запаха ладана и горячего воска кружилась голова, руки свисали переваренными макаронинами, ноги сквозь тоненькие бальные туфельки холодил каменный пол. Кажется, не очень-то я походила на счастливую невесту. Священник побледнел и кинул затравленный взгляд на… по-видимому, хозяйку замка и мою будущую свекровь.

Служанки поставили меня рядом с ней и отступили на несколько шагов, а мой локоть стиснули жесткие пальцы.

– Начинайте, святой отец! – приказала «свекровь», вздернув подбородок.

«Жених» на меня даже не посмотрел. Стоял спокойный, безразличный, как будто происходящее его не касалось.

На узорчатом мраморном полу между нами лежал топор. Точнее, боевая секира, на топорище которой тускло мерцала вязь заклятия.

Священник все потел и мялся.

– В-вы ув-верены, в-ваша м-милость? – заикаясь, выдавил он, обращаясь почему-то к даме.

Понятно, кто в замке хозяин.

– Конечно! – В ее голосе звякнул металл. – Такова моя воля.

И как-то очень уж многозначительно прижала костлявую руку к тяжелой цепи на шее.

Священник, втянув голову в плечи, дрогнувшим голосом завел службу. Время обетов пришло подозрительно скоро. По-видимому, святому отцу было велено обстряпать все по-быстрому.

Эй, пошутили и хватит! Мне нельзя замуж! Как же конференция в Гартланде через две недели? Я столько добивалась, чтобы меня туда пригласили, а теперь все пойдет прахом из-за какого-то самовлюбленного барончика?!

Я почти не вслушивалась в бормотание священника, лишь вздрогнула от короткого уверенного «Да!» на вопрос, берет ли Фицуильям Скотт, барон Мэлоуэн меня, Маргариту Саттон, в законные жены.

Голос священника окреп:

– Маргарита Саттон, берете ли вы Фицуильяма Скотта, барона Мэлоуэна, в мужья, обещаете ли любить его, подчиняться ему, быть вместе в горе и в радости, пока смерть не разлучит вас?

Не желаю принимать участие в этом фарсе! Я сделала единственное, что могла, – крепко зажмурилась.

– Бедняжка сомлела от волнения, – хладнокровно произнесла моя уже почти свекровь. – Продолжайте обряд.

– Но…

– Продолжайте! – рявкнула она. – Я, Офелия Бернис Скотт, приказываю вам именем барона Мэлоуэна! Его величество повелел моему сыну жениться, и кто мы такие, чтобы пойти против его воли? Или вы хотите, чтобы невидимые гончие уволокли вас в геенну огненную?!

Ну да, именно такая участь, по поверью, ждет тех, кто не подчиняется королевской воле.

Священник всхлипнул и выдавил:

– Н-нет! Данной мне властью объявляю Фицуильяма Скотта, барона Мэлоуэна, и Маргариту Саттон мужем и женой!

И, кажется, обеспамятовал – глухо бухнуло что-то тяжелое.

Кто-то взял мою безвольную руку. На палец скользнул холодный ободок кольца. Даже сквозь сомкнутые веки глаза резануло яркой вспышкой.

– Свершилось! – выдохнула свекровь с неподдельным облегчением.

Новоиспеченный муж – пахло от него уже знакомо, горько-пряно – подхватил меня на руки.

Я безвольной куклой болталась в объятиях брюнета, который меня куда-то целеустремленно нес. Лестницы, коридоры и галереи сменялись, как в калейдоскопе. Людей в замке было немного, лишь раз нам навстречу попалась служанка. Ойкнула, осенила себя святым знамением и опрометью кинулась прочь.

Барон не удостоил ее взглядом. Свернул в длинный, слабо освещенный коридор, ногой распахнул ближайшую дверь, вошел в комнату, оказавшуюся роскошной спальней, уложил меня на кровать и сел рядом. Теперь, надо думать, нас ждет первая брачная ночь. Благо за окном давно стемнело, самое время понежиться в постели…

М-муж! Интересно, он хоть браслеты снимет? Или его и так устраивает?

Тихий треск дров в камине. Пушистое покрывало под моей спиной. Мрачное лицо мужчины, который невыносимо долго смотрит на меня. С духом собирается, мерзавец? На глаза навернулись бессильные слезы. Я не могу даже плюнуть ему в лицо или расцарапать наглую физиономию!

Он протянул руку и коснулся моего запястья. Тихий щелчок, еще один – и я конвульсивно дернулась. Широко распахнула глаза. Свободна?!

«Муж» удержал меня за плечи.

– Простите, – тихо сказал он, стиснув в кулаке проклятые железки.

Я наконец-то глубоко вздохнула и с наслаждением влепила ему пощечину. Со всей дури, так, что заболела ладонь, а на щеке брюнета осталась красная отметина.

Он даже не шелохнулся. Только серые глаза совсем потемнели, как небо перед грозой.

– Я это заслужил, – признал он спокойно и поднялся. – Отдыхайте, миледи. Вас никто не побеспокоит.

И повернулся к двери. Насиловать не будет, это уже хорошо. Но…

– Я хочу уехать отсюда. Немедленно! – процедила я, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, не скатиться в истерику.

Глубоко вздохнула, усмиряя гнев. Позор, старший научный сотрудник! Последнее дело – прибегать в споре к рукоприкладству… Хотя иногда так хочется!

– Сожалею. Это невозможно.

Он стоял, слегка расставив ноги, словно готовясь к битве. Неужели думает, что я кинусь на него с подушкой наперевес? Жаль, что тот милый славный топорик остался в часовне, я охотно сделалась бы вдовой. Впрочем, метание молота не мой вид спорта, а муженек вряд ли терпеливо постоит на месте, позволяя себя

убить.

С трудом – от долгой неподвижности тело повиновалось неохотно – я села и оперлась о резной бортик балдахина.

– Я хочу уехать, – повторила я раздельно. – И не считайте, что меня остановит эта пародия на венчание!

Он прищурился и скрестил руки на груди. Стройный, широкоплечий, мужественный – при иных обстоятельствах я бы залюбовалась.

– Пока вы останетесь в замке.

– До каких пор?!

Он дернул уголком губ и ответил просто:

– До рождения наследника.

Приплыли.

Я попыталась встать на подгибающиеся ноги. Пошатнулась и ухватилась за столбик балдахина. Барон дернулся, собираясь меня подхватить, но вовремя остановился.

– Вообще-то это подсудное дело, – выдохнула я. – Не боитесь, что я заявлю на вас в полицию?

Я блефовала. Толку-то будет от полиции через девять месяцев?! Конечно, меня станут искать. Риш, Джули, начальство, даже моя безалаберная маменька, вечно витающая в облаках. Только никому и в голову не придет, кто и зачем меня похитил, и мы оба это понимали. Единственный след – почтенный адвокат Джозеф Харпер. Но даже если секретарша вспомнит его имя, это ничего не даст. Юрист прикроется адвокатской тайной, из этой братии лишнего слова не вытащишь.

Лицо брюнета осталось бесстрастным.

– Не боюсь, – ответил он ровно. – Мне они ничего не сделают.

Почему такой акцент на этом «мне»? Неужели барон настолько самоуверен, что считает, будто полиция закрывает глаза на бесчинства сильных мира сего? Сейчас не те времена, даже королю похищение подданных не сошло бы с рук, что уж говорить о каком-то бароне!

– Отдыхайте, – повторил он, смерив меня внимательным взглядом. – Доброй ночи, миледи.

Чуть слышно скрипнула дверь, и барон словно растворился в тихих и безлюдных коридорах замка…

Как ни терзали меня недобрые мысли, усталость оказалась сильней. Перебарывая зевоту, я разделась, с ожесточением выдрав из волос веночек из апельсиновых цветов, и надела лежащую на постели чистую сорочку.
К накрытому на столике холодному ужину не притронулась, есть не хотелось.
Я нырнула под теплое одеяло и практически сразу отрубилась…

Разбудило меня странное ощущение. Сказалось чутье, которое вырабатывается при наличии двух озорных младших сестер. Чужой взгляд, интерес, ожидание. Как у Риш, когда она устраивала очередную шалость и, затаившись, ждала реакции.

Я взглянула из-под ресниц, ожидая увидеть горничную или, на крайний случай, «мужа». Однако разглядывал меня, сунув руки в карманы, незнакомый светловолосый тип. Судя по тому, как он хмурил брови, увиденное его не порадовало.

– Кто вы такой? – распахнув глаза, спросила я хриплым со сна голосом. – И что здесь делаете?

Закричать? Не так уж пуст замок, наверняка кто-нибудь примчится.

Блондин усмехнулся и бесцеремонно уселся на кровать. Внешность приятная, располагающая. Широко расставленные голубые глаза, прямой нос, ямочка на

подбородке, крепкие плечи. Одет в костюм для верховой езды – редингот, бриджи и ботфорты – и, судя по запаху пота, приехал совсем недавно, даже не успел переодеться.

Блондин поджал губы и осведомился:

– Вам так нужны деньги, что вы не удосужились даже попросить фотокарточку?

– Чью? – не поняла я, чувствуя себя зрителем, который попал на середину спектакля и теперь отчаянно пытается сообразить, что происходит на сцене.

– Мою! – вдруг рявкнул он и подался вперед, нависая надо мной. – Ну здравствуйте… жена.

Я вытаращилась на него, как наш завлабораторией – на результаты опыта, когда мисс Лидс по ошибке добавила в питательную среду сахар… и побоялась заведующему в этом сознаться.

Этот экземпляр рода человеческого не напоминал моего «мужа» и близко. Руками-ногами я на венчании двигать не могла, но зато прекрасно все видела! Блондин, голубоглазый, без шрамов и перебитого носа, к тому же на голову ниже вчерашнего брюнета. И пахло от него совсем иначе: травой, разгоряченным телом и конским потом.

– Что вы себе позволяете, мистер? – прошипела я, без страха глядя в лицо нависшего надо мной мужчины. – Выйдите из моей спальни, или я закричу.

– Кричите, – разрешил он безразлично. – Никто не станет вмешиваться в супружескую ссору.

– Перестаньте. – Я продолжала смотреть в голубые прищуренные глаза. – Думаете, я не помню, с кем стояла у алтаря? Вы даже отдаленно не похожи!

– Правильно, – согласился блондин. – Потому что…

Его прервало гулкое «бомм!», от которого я подпрыгнула на кровати, угодив «мужу номер два» лбом в переносицу.

Он что-то прошипел (точно не комплимент) и поднялся на ноги, прижимая ладонь к носу. Надеюсь, сломала? Хоть в чем-то будет сходство с «мужем номер один»!

Блондин посмотрел на меня исподлобья, и надлежащей супружеской любви в его взоре не было.

– Через полчаса завтрак, – чуть гнусаво сообщил он и шмыгнул носом. Из-под пальцев капнуло алым. – Там поговорим.

И вышел из спальни, от души хлопнув дверью.

Я задумчиво посмотрела ему вслед и сладко потянулась. Выбралась из постели, босиком подошла к узкому окну и выглянула. Ого! Высоковато меня поселили, по-видимому, всерьез опасались побега. Значит, барону не терпелось обзавестись наследником. Вопрос, которому из?..

Тут в спальню робко заглянули уже знакомые горничные, и мне стало не до размышлений.

На вопросы о бароне и его семействе девушки упорно отмалчивались. Бетти пискнула только, мол, его милость сам все расскажет, и вжала голову в плечи. Прямо как студенты на вопрос, кто пойдет к доске…

Зато меня препроводили в столовую. Была она огромной, неуютной, серой и промозглой. Горящий в огромном камине огонь худо-бедно справлялся с тем, чтобы поданные к столу кушанья не стыли моментально (и это летом!), но толком согреть гулкую пустую столовую был не в силах. По-видимому, строили ее во времена, когда за трапезой собирались несколько десятков человек, теперь же здесь сидели всего пятеро: моя «свекровь» (хвала богам, в единственном экземпляре!), оба «мужа» и две хорошенькие юные девицы. В стороне с почтительным видом застыл лакей.

Во главе стола устроился блондин, тем самым косвенно подтверждая свои притязания за баронский титул и заодно на брак со мной. На стене за его спиной висел штандарт с вышитым гербом – стилизованной алой розой и полосой в углу.

Брюнет при моем появлении даже головы не поднял, всецело поглощенный ростбифом и зеленым горошком. Зато я, увидев знакомую физиономию со шрамом и перебитым носом, почувствовала облегчение. Значит, две самые неприятные гипотезы можно отбросить. Брюнет мне не почудился, и «муж» не един в двух лицах.

Зато все три дамы уставились на меня с жадным любопытством грифов, прикидывающих, не пора ли выклевать глаза умирающему.

– Доброе утро, – ледяным тоном произнесла «свекровь», как бишь ее? Офелия Бернис Скотт.

Интересно, мне-то как теперь положено к ней обращаться?

– Доброе, доброе, – покивала я, остановившись в нескольких шагах от стола.

– Фицуильям, дорогой… – сказала миссис Скотт, взглянув на сына. На мгновение ее холодное лицо смягчилось, а недовольные складки у губ разгладились.

Он нехотя поднялся. Нос у него, увы, оказался не сломан, от удара осталась лишь легкая припухлость.

Блондин подошел ко мне, взял под локоть – руки у него были ледяные! – и, откашлявшись, произнес громко:

– Дорогая… Маргарита, – на моем имени «муж» запнулся, явно не сразу его вспомнив. – Позволь представить тебе моих близких. Моя мама, Офелия Бернис Скотт. Сестры – Джорджина и Хелен. И начальник стражи, Донал Грин.

Сестры ограничились кивками, хотя младшая, Джорджина, смотрела с любопытством и почти дружелюбно.

Брюнет поднялся, отвесил поклон и хрипловато сказал:

– Счастлив с вами познакомиться, миледи.

Я попыталась скинуть руку «мужа», но он держал крепко.

– Не могу ответить тем же, мистер Грин, – сухо заметила я.

Джорджина подавилась чаем под неодобрительным взглядом матери.

– Дорогая, – стиснул барон мой локоть, – давай не при слугах.

– Боишься, что они заявят в полицию? – осведомилась я, резко повернувшись к «благоверному».

Он отпрянул, видимо опасаясь за целостность носа.

– О чем ты? – Он сделал непонимающее лицо, а начальник стражи кашлянул.

– Томас, ступайте на кухню! – велела свекровь лакею, разглаживая на коленях салфетку. – Дальше мы сами справимся.

– Да, миледи. – И вышколенный слуга исчез.

Теперь можно не смущаться. Да здравствует семейный скандал!

С минуту все выжидали, словно дуэлянты, примеривающиеся к противнику.

– Маргарита, милая, такое поведение не пристало баронессе, – нанесла первый, пробный удар «свекровь», кривя бледные губы.

– Так это баронессе, – хмыкнула я и потребовала: – Уберите руки, барон!

Называть его «милордом» или «вашей милостью» мне претило. Раз уж для Скоттов… и Грина я – невоспитанная выскочка, пусть так и будет. Это лучше, чем молча и вежливо смириться с пародией на брак.

– Дорогой, – поправил он, усмехнувшись.

И легонько так погладил мой локоть.

– Барон, – повторила я с нажимом. – Венчание недействительно.

– Почему? – поразился блондин. – Вы ведь согласились.

«Свекровь» молчала, глядя на меня весьма неодобрительно. Можно подумать, я на коленях умоляла меня похитить!

Сестрицы наблюдали за происходящим с приоткрытыми ртами – что за неблагородные манеры! – и широко распахнутыми глазами.

Начальник стражи флегматично жевал. Вот уж кому было плевать на все – хозяин приказал, слуга исполнил.

Я почувствовала, как в груди клокочет злость, и поспешила дать ей волю.

– Почему? – переспросила я с расстановкой, уставившись на «мужа» негодующим взглядом. И принялась перечислять по пунктам: – Во-первых, согласия я не давала. Во-вторых, меня похитили. В-третьих, даже вас, барон, у алтаря не было!

Он поморщился и, наконец отпустив меня, сдвинул светлые брови.

– Вы что-то путаете, Маргарита…

Тут с места поднялся начальник стражи, налил чашку чая и протянул мне.

– Выпейте, миледи, вам нужно подкрепиться.

Надо же, какой заботливый!

– Благодарю, – сказала я вежливо. И убрала руки за спину, от греха подальше. – Но я не рискну.

Он хмыкнул.

– Боитесь?

– Разумно опасаюсь, – парировала я. – Мало ли, что вы туда подлили?

– Кхе-кхе, – прочистил горло «муж» и отодвинул мне стул. – Присядьте и объясните толком. Я не понял насчет похищения… и всего остального.

– Что тут понимать? – Я пожала плечами, однако приглашение приняла.

Я расправила складки бледно-голубого утреннего платья (похоже, из гардероба свекрови – девушки совсем былинки, их наряды на мне треснули бы в бедрах и не сошлись на груди, лиф и так аж распирало) и воззрилась на стоящего напротив блондина.

Он смотрел так испытующе, недоверчиво, словно в самом деле знать не знал об этой выходке с венчанием. Неужели правда не знал?

– Вы ведь подписали договор, – напомнил барон, сунув руки в карманы брюк.

– Нет! – ответила я, прямо глядя на него.

– Тогда зачем вы сюда приехали?

– Фицуильям… – начала заботливая маменька, привстав.

– Помолчи, пожалуйста, мама! – попросил он негромко, но как-то так, что она подчинилась.

– Меня похитили, – повторила я и кивнула на невозмутимого Донала, подпирающего стенку возле камина. Ушел с линии огня? Умно.

Барон не поверил.

– Это даже звучит глупо, – буркнул он.

– Вот именно! – поддержала свекровь. – Милочка, вы говорите чушь. Сочиняете какие-то нелепые истории…

– Нелепые?! – взбеленилась я, хлопнув ладонью по столу. Прямо как мистер Причард, наш замдиректора, когда во время его особенно пространной речи некоторые сотрудники откровенно храпят.

Джорджина ойкнула, Хелен насупила бровки, а свекровь поджала губы. Донал сохранял нейтралитет, втихомолку попивая чай с печеньем.

– Меня подстерегли возле дома, – начала я в звенящей напряженной тишине, – надели магические наручники, приволокли в замок и поставили у алтаря… – вежливое «с мистером Грином» встало мне поперек горла. Поэтому я лишь качнула головой в сторону невозмутимого брюнета. – С ним!

– Как же вы сказали «да»? – нахмурился барон.

– Никак, – фыркнула я. – Ваша матушка сослалась на полномочия от барона Мэлоуэна и волю его величества. Священник не посмел возразить.

– Запомнила-таки, – чуть слышно прошипела «свекровь».

Я ответила ироничной улыбкой. Вот где пригодилось умение запоминать все услышанное, натренированное заседаниями научного совета.

– Мама? – начиная кое-что понимать, повысил голос барон. – Это правда?

– Разумеется, нет! – поджав губы, она отложила салфетку и поднялась. – Неужели ты поверишь какой-то… горожанке, обманом втершейся в нашу семью?!

Ах, сколько пафоса. Только в запале она кое-что перепутала.

– Позвольте уточнить, – сказала я сладким-пресладким голосом, от которого сразу запершило в горле. – Зачем мне втираться в вашу семью? Это ведь вы хотели со мной породниться. Почему такая спешка, кстати?

– Ты просто набивала себе цену! – заявила «свекровь» зло, пропустив мимо ушей второй вопрос. – Ни одна девица в здравом рассудке не отказалась бы от такой возможности!

Я отвернулась к столу и, схватив чашку, залпом выпила чай. В конце концов, какой теперь смысл меня опаивать? Вряд ли я сумею помешать барону, если ему вздумается настаивать на супружеских правах. Сбежать из замка без посторонней помощи? Разве что если захвачу кого-нибудь в заложники.

– Так это правда, мама? – повторил барон с нажимом.

Она задрала подбородок и выпятила тощую грудь.

– Нет! Она пытается нас поссорить.

Несколько мгновений он пристально смотрел на маменьку, затем повернулся к начальнику стражи.

– Донал? Что скажешь? Маргарита говорит правду?

Тот раздумывать не стал. Поставил чашку на каминную полку и резко кивнул.

– До последнего слова.

Я поневоле преисполнилась к нему благодарностью (мог ведь солгать!) и уважением, заметив, как на него посмотрела миссис Скотт.

– Это ерунда, – заявила она, отбросив экивоки. – Мы с отцом Петтером поклянемся, что брак был добровольным. Девушка сказала: «Да!», а ты, мой дорогой, оставил доверенность.

– Мама! – повысил голос барон. – Никакой доверенности не было! Баронскую цепь я оставил тебе не ради свадьбы, а ради управления замком, и тебе это прекрасно известно. Мисс Саттон отклонила мое предложение, и я полагал, что на этом вопрос исчерпан. Но сегодня утром ты заверила меня, что невеста передумала!

– Дорогой сын, ты не можешь отрицать, что…

– Мама! Ты ввела в заблуждение отца Петтера, уверив его, что этот договор действителен. Как ты могла так поступить?

– Ты весь в своего слюнтяя отца! – в сердцах выпалила она, некрасиво скривив лицо. – Тебе выпала такая возможность, а ты намерен бездарно ее упустить!

– Предоставь нам с Маргаритой самим в этом разбираться! – отчеканил он и протянул мне руку. – Поговорим наедине?

Блондин размашисто шагал, не глядя на меня. Только пальцы на моем локте стиснул так, что еще немного – и останутся синяки.

По счастью, мы быстро пришли. Я с любопытством огляделась. Небольшая застекленная терраса, нечто вроде зимнего сада. По всей комнате расставлены кадки с цветами, у окна – альпийская горка и два кресла, под потолком мерцают осветительные шары. Тепло, влажно, зелено – после промозглой серости замка просто дивный уголок.

– Прошу, садитесь. – «Муж» указал на ближайшее кресло, а сам устроился напротив.

В крови все еще бурлила злость, и я приготовилась к следующему раунду схватки. Но барон капитулировал еще до начала битвы. Зажмурился, откинувшись на потертый подголовник кресла, и попросил устало:

– Простите за… все, мисс Саттон.

И тем самым выбил оружие из моих рук.

Выглядел он настолько измученным, что гнев в моей душе поутих. Я опустилась в кресло возле узкого окна. Снаружи сияло летнее солнце, но его лучи с трудом пробивались через пыльное стекло, в которое исступленно билась муха. Только этот звук нарушал гнетущую тишину.

– Вы действительно не знали? – спросила я, разглядывая его лицо с глубокими тенями под глазами и обветренными губами. Скулы заострились, выдавая

крайнюю усталость.

Барон качнул головой.

– Не знал, но это меня не извиняет. Как барон и глава семьи я отвечаю за все поступки матери и сестер, поэтому именно я прошу у вас прощения.

Я тихо хмыкнула. Можно подумать, «свекровь» соизволила бы извиниться. Впрочем, мама – это святое, так что давить на больную мозоль я не стала.

– Хорошо. – Я глубоко вздохнула. – Принимаю ваши извинения. Теперь отвезите меня домой.

Повисшее молчание подтвердило мои наихудшие опасения. Барон глубоко, с присвистом дышал.

– Я… – наконец выдавил он, открыв глаза, и вцепился в подлокотники, будто набираясь мужества перед решительным шагом. – Мисс Саттон… Маргарита.

– Да-да? – подбодрила я, сложив руки на коленях.

Сдается мне, ничего приятного он не скажет.

И точно. Блондин глубоко вздохнул и выговорил, словно в омут бросился:

– Останьтесь моей женой!

От неожиданности я открыла рот. Барон смотрел на меня напряженно и требовательно.

– Кхе-кхе. – Я прочистила горло и отвернулась, чтобы не видеть мольбы в больших голубых глазах. – Зачем? Только не говорите, что влюбились в меня с первого взгляда!

– Нет, – сознался он, помедлив. – Вы красивая девушка и мне нравитесь, но дело не в том.

– Тогда в чем же? – подбодрила я, хотя кое-какие догадки у меня имелись.

Сложно ведь не сложить воедино оговорки адвоката, приказ короля и настойчивость мамы барона.

– Дайте слово не разглашать услышанное, – попросил блондин проникновенно. – Поймите меня правильно, дело семейное и очень щепетильное. Не хотелось бы, чтобы наше имя трепали сплетники.

– Ладно, – вздохнула я, подняв правую руку. Ох уж эти аристократические заморочки! – Клянусь. Теперь вы наконец объясните?

Он смотрел на меня без улыбки.

– Титул барона Мэлоуэна я получил два года назад. Наша семья из нетитулованного дворянства, жили мы небогато, хотя образование я получил подобающее. Прежнему барону я доводился дальним родственником, поэтому несказанно удивился, когда меня разыскали его душеприказчики. Оказывается, другие наследники умерли один за одним, и я оказался единственным… как тогда полагал.

– Теперь что-то изменилось? – подбодрила я, когда он умолк, чтобы перевести дух.

Блондин отрывисто кивнул, разглядывая баронский перстень-печатку на пальце.

– Объявился Адам Скотт, еще один дальний родственник, и потребовал пересмотра дела о наследстве. При обычных обстоятельствах у него было бы мало шансов, но…

Я молчала, не мешая ему собираться с мыслями, и рассматривала его лицо. Так странно. Де-юре он – мой муж. На моем пальце тускло поблескивает золотой ободок, в церковных книгах имеется соответствующая запись. Де-факто же мы незнакомцы, которые впервые встретились даже не у алтаря, а после!

Блондин вдруг резко поднял на меня взгляд. Под клетчатым твидовым пиджаком часто вздымалась широкая грудь.

– Все было бы хорошо, если бы не проклятие!.. Из-за него у меня не может быть детей, но барон Мэлоуэн должен иметь наследника, понимаете?

– Понимаю, – кивнула я. – Только я-то тут при чем?

Он кривовато улыбнулся.

– Давайте не будем юлить, мисс Саттон. Я знаю, кто был вашим дедом. И знаю, что вы унаследовали его дар.

Я промолчала. Говорил он слишком убежденно, явно не с бухты-барахты. Выходит, кто-то основательно покопался в прошлом нашей семьи, потому что мы кое-какие подробности не афишировали.

Барон подался вперед и взял меня за руку, я вздрогнула от прикосновения его холодных пальцев.

– Пожалуйста, мисс Саттон, подумайте. Давайте хотя бы попробуем, присмотримся друг к другу. Вдруг у нас что-то получится? Я готов выслушать ваши условия.

Его ладонь чуть подрагивала, выдавая, в каком он был напряжении.

– Что, если я отвечу «нет»? Если захочу просто уехать и забыть об этой истории, что тогда?

От одной мысли, что придется жить в этом каменном мешке – да еще и с такими родственничками! – пробирала дрожь.

Барон отвел взгляд, продолжая стискивать мои пальцы.

– Просто не выйдет, – сознался он хрипло. – О свадьбе уже объявили в утренних газетах.

Я стиснула зубы. Подсуетилась «свекровь»!

– Такой скорый развод – это скандал, – продолжил блондин, облизнув губы. – Никому из нас он не пойдет на пользу.

– Особенно вашей маменьке и ее верному слуге, – съязвила я. – Которые посмели меня выкрасть! Думаете, я постесняюсь в этом признаться? В конце концов, брак даже не подтвержден!

И прикусила язык. Вдруг он решит, что это отличная идея, и потащит меня в спальню? Прислуга и охрана, конечно, слова против не скажут, работа им еще дорога.

Блондин лишь мотнул головой.

– Не бойтесь, мисс Саттон. Я не буду настаивать. Только у вас не получится возбудить дело о разводе… – а тем более о признании брака недействительным! – не вытащив наружу все наше грязное белье. Мы, конечно, будем раздавлены, но и от вашей репутации не останется ни клочка.

Я не находила слов. Меня похитили, силком обвенчали, а теперь я еще должна переживать, как буду выглядеть в глазах общества?! И все же он прав. Дело будет громким, к тому же «свекровь» прямым текстом сказала, что будет все отрицать. Вряд ли удастся отыскать свидетелей похищения, о насильственном венчании горничные со священником тоже не заикнутся – напротив, будут в один голос уверять, что все было добровольно. Я же предстану мнительной истеричкой, вздумавшей насолить благоверному.

После такого в научных кругах со мной не будут считаться даже уборщицы. Останется либо уходить, поджав хвост, либо всю жизнь мыть пробирки.

Даже если я сумею доказать свою правоту, барон легко оставит за собой последнее слово – попросту честно и откровенно расскажет суду о мотивах похищения. Наша семейная тайна выплывет на свет, а мы с сестрами станем лакомой добычей.

Незавидная перспектива.

– Что вы предлагаете? – выговорила я, не без труда задавив подлую мыслишку приласкать «мужа» по маковке тяжелым цветочным горшком.

Полиция тоже не зря ест свой хлеб, а я не хочу, чтобы меня упекли за решетку до конца дней. Брак, конечно, тоже пожизненная кабала, но хоть не в тюрьме.

Лицо барона зажглось надеждой.

– Мы живем вместе год. Общаемся, знакомимся поближе… дальше или родится ребенок, или мы тихо разведемся. Я готов подписать договор, обещаю всю вину за развод взять на себя.

– Погодите вы со своими бумагами! – потребовала я, отодвинувшись. Близость «мужа» мешала сосредоточиться. – Что, если я не забеременею? При проклятиях такого рода репродуктивная функция отключается полностью, попросту нечем оплодотворять. Или вы верите в партеногенез?

В запале я позабыла, что надо говорить проще.

К моему удивлению, барон понял.

– Проклятие наложил человек, а ваше благословение божественное, оно должно быть сильнее.

– Должно, – фыркнула я. – В теории!

Вопросы наследственности применительно к себе самой не получалось воспринимать столь же равнодушно, как проблемы наследования рецессивных генов у белых мышек или фасоли.

Барон вдруг улыбнулся.

– Я занимаюсь коневодством, мисс Саттон. Вообще-то я собирался стать ветеринаром, но… Впрочем, не важно. Одним словом, я практик. У нас говорят: «Пока кобылу не повяжешь, все равно не узнаешь». В конце концов, разве вы никогда не хотели выйти замуж, родить детей?

– Хотела, – созналась я хмуро, выводя пальцем узоры на пыльном подлокотнике. – Но сделать научную карьеру я хотела больше.

Мало какой муж потерпит, чтобы жена вместо домашнего очага занималась пробирками и микроскопом. Не принято, чтобы замужние женщины работали, если муж способен обеспечить семью. Столь аристократическое семейство тем более к этой идее отнесется без восторга.

– Так за чем же дело стало? – спросил он мягко. – Свои исследования вы можете продолжать и здесь, я устрою вам лабораторию прямо в замке. Думаю, руководство института пойдет навстречу баронессе Мэлоуэн.

Я усмехнулась, глядя на него не без уважения. Сразу уловил суть проблемы и даже предложил решение.

«Муж» вдруг обнял меня за плечи и привлек к себе.

– Соглашайтесь, Маргарита. Не бойтесь, я вас не обижу.

Хотелось бы верить.

Он смотрел так искренне и чуточку виновато, что волей-неволей закрадывались сомнения. Слишком мило он теперь держался. Как говорит моя младшая сестрица, Ирэн: «Хоть к ране прикладывай».

Могла ли «свекровь» провернуть венчание без ведома сына-барона? Или он прикинулся, что ни при чем, чтобы втереться ко мне в доверие?

С наскока решение принимать не стоило. Нужно все взвесить, привести аргументы «за» и «против», просчитать риски, подумать об условиях, заодно проверить «мужа» на вшивость. Может, такому и кошку доверить страшно, не то что будущих детей? Кстати, о кошках!..

– Уберите руки, пожалуйста, – попросила я вежливо и, когда он подчинился, пообещала: – Я подумаю.

К его чести, недовольство барон не выказал. Спросил только:

– Долго?

Я пожала плечами и неопределенно повела рукой.

– Посмотрим. Сначала мне нужно отдохнуть и перекусить. По милости вашей семьи вчера я осталась без ужина, а сегодня – без завтрака.

Он проглотил и это. Улыбнулся несколько напряженно и поднялся.

– Отдыхайте, Маргарита. Я распоряжусь, чтобы завтрак вам подали в комнату. Пойдемте, я провожу вас в вашу спальню.

Я тоже встала, любоваться цветочками расхотелось. Придержав мужа за рукав, я посмотрела в его покрасневшие от недосыпа глаза.

– Надеюсь, вы знаете, что благословение сработает только при моем добровольном согласии?

– Знаю, – ответил он коротко и отвернулся.

Зато «свекровь» определенно не знала…

Мы остановились у знакомой двери. Узкая галерея, освещенная еле пробивающимися сквозь бойницы-окна солнечными лучами. Холодный каменный пол, такие же каменные, даже не оштукатуренные стены. Я поежилась. Еще один аргумент «против» брака.

– Я загляну к вам перед обедом, если позволите, – сказал он церемонно, не глядя на меня.

– Конечно. – Я кивнула. Он выглядел таким хмурым, что я не удержалась: – Скажите, барон, вам так дорог титул?

Признаю, не лучшая тема для разговора в коридоре.

Он стиснул зубы так, что на скулах заиграли желваки. Его пальцы на дверной ручке побелели.

– Замок и поместье – майорат, – выговорил он отрывисто. – У меня нет наследников, так что, если со мной что-то случится, мать с сестрами останутся на улице.

Я смущенно кашлянула. В наследовании магических даров и проклятий я кое-что понимала, зато о наследовании титулов и имущества имела крайне слабое представление.

– Ваши сестры молоды и красивы. Почему бы им не выйти замуж?

Под острым взглядом барона я прикусила язык.

– О моем бесплодии уже ходят слухи, – выговорил Фицуильям, уставившись в стену. Что он там интересного увидел? – Кто же захочет жениться на девушке, которая может оказаться пустоцветом? Разве что вдовец с детьми.

Мне стало неловко. Ткнула в больное место! Теперь понятно, почему он готов себя переломить, только бы я согласилась.

– Но ведь проклятие наложено лично на вас? – поинтересовалась я, глядя в пол. Хороши были мы с «мужем» – смотрели на что угодно, только не друг на друга. – Вы обращались к магам?

Он хохотнул и сознался с тоской:

– И к магам, и к частным сыщикам… Маги заверили, что метка проклятия лишь в моей ауре, сестры чисты. Но ведь не станешь всем и каждому предъявлять бумаги!

Я понимающе кивнула. Обычное дело, чем энергичнее отрицаешь слухи, тем больше им верят. И вообще, может, проклятие передается по мужской линии, а у девочек латентно. Кстати, это мысль!

– Я пойду, – прорвался сквозь мои размышления голос барона, который уже распахнул дверь в комнату. – Отдыхайте.

– Спасибо, – ответила я рассеянно.

Вытащила из своей сумки, которая нашлась на туалетном столике, блокнот с ручкой и плюхнулась на кровать. Так-так!..

Сандвичи и чай я проглотила между делом, не отрываясь от набросков. Для начала я тезисно обрисовала научную новизну, актуальность, степень проработанности темы и цель исследования. Какие бы сладкие песни ни пел мне барон, сосредоточиться стоит не на браке, а на исследовании проклятия.

Ради того, чтобы вырваться из замка, я готова помочь новоявленному муженьку с решением его деликатной проблемы. Если по ходу дела у нас что-то сладится, то так тому и быть. Если же нет, то такой богатый материал для моей докторской все равно можно считать даром богов. Личные проклятия нынче встречаются нечасто, а древние источники грешат неточностями и даже откровенными подтасовками. Не говоря уж о том, что анализы крови в старину не делали, так что материалы я получу редкостные. С паршивого мужа хоть анализов бутылек!..

Румяная Бетти со священным ужасом покосилась на исписанные непонятными ей значками листы и поторопилась сбежать. Отлично, лучше пусть шарахается, чем сует нос куда не надо.

Когда в дверь вновь постучали, я уже перечитывала план, напряженно грызя кончик карандаша.

– Войдите, – громко разрешила я, не поднимая головы от записей.

– Маргарита? – Бархатистый голос барона заставил меня подскочить, поскольку раздался вовсе не от входной двери.

– Да? – Я повернулась, подозревая подвох.

И не ошиблась. Блондин вошел через неприметную дверь, оклеенную обоями в цвет стен.

– У нас смежные спальни, – пояснил он извиняющимся тоном. – Я решил, что вам следует об этом знать. Если хотите, я прикажу заложить проем.

– И дадите слугам повод для пересудов минимум на год? – хмыкнула я. В кресле работать оказалось неудобно, а рабочий стол в комнате отсутствовал. Непорядок! Пришлось с ногами забираться на кровать.

– Неужели вопрос нашего брака требует столь сложных расчетов? – поинтересовался барон с чуть заметной улыбкой.

Выглядел он посвежевшим. Светлые волосы слегка вились на висках и шее, в голубых глазах появился блеск, а тревожная морщинка меж бровей разгладилась. Одет он был в белую рубашку, ненавязчиво демонстрирующую крепкую грудь и широкие плечи, а также мягкие брюки, обтягивающие узкие бедра и стройные ноги. Ни жиринки, ни складочки.

Барон заметил мой заинтересованный взгляд, и улыбка его стала шире.

Он чуть повел плечами и сказал хрипловато:

– Надеюсь, вам нравится увиденное, Маргарита?

– Весьма, – кивнула я, отдавая должное пропорциональной фигуре и красивому породистому лицу. – Отличная наследственность.

Улыбка барона чуть потускнела.

– Рад, что вы оценили. Позволите?

Он кивнул на придвинутое к постели кресло, и я не стала возражать.

– Могу я узнать, к какому решению вы пришли? – мягко спросил «муж», покосившись на мои ноги и тут же отведя взгляд.

Он сидел в свободной позе, вот только стиснутые на подлокотниках пальцы выдавали его с головой.

– Я согласна познакомиться ближе, – медленно проговорила я, и он облегченно выдохнул. Рано обрадовался, потому что я продолжила: – Но у меня будут условия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlova_anna/nauka-i-proklyatiya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити